

С. А. Исаев

Как сделать исследования по историографии интересными?

«Церковная историография: это интересно». Таким подзаголовком профессор МГУ Илья Евгеньевич Андронов снабдил введение к своей книге, посвященной анализу западноевропейских работ XVI в. по общей истории Церкви¹. Реформация побудила сначала лютеран, затем католиков представить образованной публике обширные нарративные труды, охватывавшие историю ранней и средневековой христианской Церкви. В этих трудах лютеране и католики давали конфессиональное толкование давним и близким к эпохе Реформации событиям и процессам. И. Е. Андронов не только анализирует, но и *представляет* читателю эти труды: и «Магдебургские центурии» Маттиаса Флация с соавторами, и «Церковные Анналы» Цезаря Барония, и некоторые менее знаменитые сочинения даются в его книге не только в пересказе, но и в обширных цитатах. Начинающий историк — студент, который еще не может прочесть эти тексты на латыни в интернет-публикациях и не имеет доступа к единственному русскому переводу части труда Цезаря Барония, вышедшему в начале XX в., получил теперь возможность познакомиться с ними: пусть только в отрывках, зато в современном качественном переводе, с академическим комментарием. *Такая* историография действительно способна заинтересовать.

Невозможно представить себе, чтобы какой-нибудь историк в подобной манере внушал читателю: история Древнего Рима, Великой Французской революции или I Мировой войны интересны! Это означало бы ломиться в открытую дверь: названные разделы всемирной истории всегда привлекали и привлекают

внимание как подрастающего поколения исследователей, так и исторических романистов. История — не то, что историография. Все мы, вместе с И. Е. Андроновым, прекрасно понимаем: *интересная историография* — не правило, а отпадное, но редкое исключение. Гораздо чаще мы смотрим на историографию как на совершенно необходимый с точки зрения академических требований, но неизбежно скучный компонент исторического исследования и преподавания истории.

Курсы историографии читаются почти во всех учебных заведениях, специализирующихся по истории. Я слушал такие курсы как у посредственных, так и у замечательных преподавателей, и сам читал их. Ни один из историографических курсов — будь то прослушанных или прочитанных — не оставил у меня теплых воспоминаний, ни как у слушателя, ни как у преподавателя. Добром запомнился только семинар-практикум по историографии, который вел у нас — студентов кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Ленинградского университета в 1981/82 учебном году — профессор Владимир Георгиевич Ревуненков (1911–2004). В ходе практикума мы читали (в переводах) тексты и пытались анализировать методы и подходы таких авторов, как Алексис де Токвиль, Томас Бабингтон Маколей, Леопольд фон Ранке. Это было интересно в меру достоинств этих авторов.

Что же касается лекционных курсов по историографии, то их материал структурирован был примерно одинаково. Называлась фамилия историка; сообщались краткие биографические сведения о нем самом и о его ученой карьере; приводилось название историографической школы, к которой его «приписали» зарубежные справочники или советские авторы; указывались названия двух-трех работ; и венчала дело кратчайшая характеристика концепции, лежащей в основе этих работ. Информация была, безусловно, полезная, но донельзя схематичная, а потому запоминалась она с превеликим трудом, а сразу после сдачи экзамена забывалась. В последнем обстоятельстве я, честно говоря, никакой беды не вижу. Есть информация, которую квалифицированный историк обязан иметь у себя в живой памяти, т. е. в голове, а есть информация, которую он накапливает только во внешних базах данных: в картотеках, разного рода выписках и в публикуемых трудах. *Такая* историография, несомненно, относится к информации второго рода.

О характеристике историографических концепций следует сказать особо. В советское время «критика буржуазной историографии» того или иного исторического сюжета была весьма поощряемым направлением деятельности историков. В фондах научных библиотек накопились залежи малотиражных сборников статей, издававшихся вузами и академическими учреждениями. «Исторический материализм» или попросту марксизм, как правило понимаемый предельно примитивно, применялся как прокрустово ложе, в которое «укладывали» историческую концепцию критикуемого автора, описывая отклонения от «единственно верного учения» и затем критикуя «буржуазного»

или, хуже того, «дворянского» историка за эти отклонения. Были, конечно, историографические обзоры принципиально иного качества: авторы их добросовестно пытались представить как достижения, так и специфику методов наиболее выдающихся зарубежных историков. Такие обзоры выполнялись сотрудниками ИНИОНа, издавались крошечными тиражами, и доступ студентов к ним был чрезвычайно затруднен.

В наше время единого мировоззренческого стандарта в российской исторической науке, к счастью, нет, а историк вправе руководствоваться собственным мировоззрением и оценивать взгляды других историков со своих позиций. Читателю же, который берет в руки книгу по истории, полезно знать, каких взглядов придерживается автор: православных, коммунистических, исламских, либеральных и т. п. Потому что оценки событий, которые соответствующий автор дает, если не в полной, то в значительной мере будут определяться его (автора) мировоззрением. Читатель же заинтересован в том, чтобы скорректировать эти оценки в соответствии с мировоззрением своим. Конечно, сколько-нибудь опытный читатель способен и сам определить авторскую тенденцию, даже если автор не афиширует свое мировоззрение и клянется в объективности и беспристрастности.

Упомянутая книга И. Е. Андропова — чрезвычайно отрадное явление. Историография любого вопроса станет качественно живее, если написанный в наше время текст будет содержать не только анализ и пересказ работ историка, жившего несколько столетий назад, но и развернутые цитаты, дающие представление об особенностях его языка и своеобразии исследовательского стиля, которые можно обнаружить у всякого мало-мальски значительного историка. Разумеется, когда речь идет об обширных текстах, наиболее выразительные, «говорящие» цитаты приходится выбирать из многих сотен, а то и тысяч страниц. Для этого от историка, живущего в наши дни, требуется та квалификация, которая в старину была у составителей качественных хрестоматий. В старых книгах очень многое заслуживает забвения, но встречаются отдельные страницы, а иногда пассажи, которые должны сохраниться в живой памяти новых поколений историков. Только немногие специалисты будут читать объемистые труды Ивана Никитича Болтина (1735–1792), но каждому историку полезно помнить его замечание, высказанное при анализе сочинений кн. М. М. Щербатова: «История с географией так тесно связаны, что, не зная одной, писать о другой никак не можно. При всяком, так сказать, шаге историка, не имеющего в руках географии, встречается претыкание».

В том, что историографические курсы получаются скучными, доля вины преподавателя есть всегда. Но только лишь доля. Причина лежит в самом предмете историографии — во внутренне присущих ему особенностях.

Историография — предмет по содержанию своему намного *более сложный*, чем собственно история. История изучает события и процессы, происходящие в одномерном времени. Занятия же историографией требуют не только

полноценного понимания того времени, о котором пишет изучаемый историк, но столь же полноценного понимания той исторической и интеллектуальной ситуации, в которой работает сам этот историк. И понимания того, как особенности второго времени повлияли на формирование образа времени первого. Не приходится сомневаться, что идейные споры времен Александра I наложили свой отпечаток на те оценки, какие Н. М. Карамзин давал эпохе Ивана Грозного. Американский историк Ирвинг Брант (1885–1976) — автор 6-томной биографии президента Джеймса Мэдисона, издававшейся с 1941 по 1961 г. — был видным журналистом-«ньюдилером», и следы полемики 1930-х гг. с критиками «нового курса» Ф. Д. Рузвельта обнаруживаются при внимательном чтении биографии президента, жившего более чем на сто лет раньше. Сам тот труженик, который занимается академическими штудиями в области историографии, живет и работает, как правило, в каком-то более позднем третьем времени, но о рефлексии еще и в этой связи думать не приходится. Таким образом, время остается одномерным, но историография имеет дело не с одним, а с двумя временными параметрами. Разница между изучением истории и изучением историографии — такая же, как в физике между изучением скорости и изучением ускорения. Историография — предмет, способный вызвать интерес только у человека, для которого стала живой, интересной, своей как эпоха, описываемая в рассматриваемых исторических сочинениях, так и та эпоха, в которую эти сочинения написаны. Но гораздо чаще историк специализируется только по какой-то одной эпохе.

Или скажем так: с историографией дело обстоит как с древним языком или игрой на технически трудном музыкальном инструменте. Существует такой уровень владения языком или инструментом, после достижения которого этот язык и эта игра доставляют тому, кто им овладел, ни с чем не сравнимое интеллектуальное наслаждение и эмоциональное удовольствие. Но пока такой уровень не достигнут, неизбежна мучительная зубрежка и трудоемкие упражнения. «Если долго мучиться, что-нибудь получится» — сказано как раз про такие предметы. Тогда как биология, история, химия, алгебра, астрономия способны увлечь не только на продвинутом, но и на начальном этапе обучения.

Увы, в учебной практике преобладающим является взгляд, будто историографией заниматься *проще*, чем историей. Взгляд этот ярко проявляется, когда студентам предлагают темы работ. Если студент не умеет или не хочет работать с источниками, не знает языков и не пытается их учить, ему обычно предлагают «заняться историографией». И пишет такой студент курсовую или даже бакалаврскую работу, представляющую собой примитивный пересказ того, что студент смог понять, к примеру, у Франсуа Фюре, В. В. Болотова или Фернана Броделя. Такая работа, если имеет какую-либо ценность вообще, то лишь чисто учебную. Да, студент, напрягшись, написал что-то сам, немного набрался ума, помучив преподавателя, вынужденного это читать... Оценка поставлена, работа отправлена в корзину — и делу конец. Но когда *это* называется работой

по *историографии*, нельзя не пожалеть о такой профанации сложной и достойной вспомогательной исторической дисциплины.

Мой собственный взгляд на историографию несколько отличается от общепринятого. Считается, что историография — вспомогательная историческая дисциплина. С этим я согласен, но думаю, что это не одна дисциплина, а *две*.

Историография I, или *историография темы* — это дисциплина, изучающая процесс изучения определенной темы (например, смены республики империей в Древнем Риме, наполеоновских войн, первого или второго объединения Германии) историками соответствующей страны и/или других стран. Она изучает то, как менялись представления об одном событии или историческом периоде в те более поздние времена, когда об этом событии или периоде сколько-нибудь подробно писали. Тот, кто работает в области историографии избранной темы и событий, сопоставляет труды исследователей, которые изучали те события во времена более поздние, чем события, но более ранние, чем наше. Разным исследователям одних и тех же событий бывает доступен очень вариативный по количеству и по качеству круг источников, но исследователи нередко сильно отличаются друг от друга также методикой, конфессиональными и/или политическими взглядами; понятиями, которые они используют при анализе; традицией, в которой они работают. Когда речь идет об очень масштабных событиях в стране, где трепетно относятся к своей истории, за ними всегда тянется долгое историографическое «эхо». Более чем через век после гибели Дантона и Робеспьера во Франции вели между собой историографические баталии «дантонист» Альфонс Олар (1849–1928) и «робеспьерист» Альбер Матъез (1874–1932)².

Историография II, или *историография школы* — это дисциплина, изучающая историографические школы и направления, какими бы темами эти школы ни занимались. Она изучает те подходы и методики, которые характерны для определенной школы в историографии, независимо от того, изучением каких тем занимались представители этой школы.

Разница между историографией темы и историографией школы — примерно такая же, как между лингвистикой и литературоведением в рамках филологии. Историография I — дисциплина вполне историческая: она изучает процесс, происходящий во времени, хотя события, его составляющие — это книги и статьи, а точнее идеи, которые в них содержатся. Историография II — дисциплина по *методу*, строго говоря, не историческая вообще. Она ближе к философской или богословской систематике. Но по *предмету* своему эта дисциплина вполне историческая. Она изучает мировоззрения (только лишь) *историков*; то, как особенности мировоззрения определяют специфику работы историков с источниками; и то, как сходство мировоззрений и методов объединяет историков в историографические *школы*.

Труды по историографии светской истории более чем на 99% — историография темы. Историография школы представлена очень немногими трудами.

На мой взгляд, самый яркий труд такого рода, написанный в советское время на русском языке, — это книга Бориса Георгиевича Реизова (1902–1981) «Французская романтическая историография (1815–1830)» (Л., 1956). Б. Г. Реизов различал в ней, в соответствии с особенностями исследовательских подходов, «нарративную», «символическую» и «мифологическую» школы — независимо от того, изучали ли историки-романтики Древний Рим, эпоху Мерovingов или Английскую революцию XVII в.

Но помимо очень немногочисленных книг, специально посвященных историографии, историографические разделы имеются в составе почти всех статей и книг по собственно истории.

И вот, чтобы интереснее и живее стали также и они, необходимо, на мой взгляд, осуществить одно небольшое, но важное *изменение в структуре текста* исторического исследования.

Обычная практика ныне состоит в том, что историографический раздел *предваряет* изложение собственно истории.

Я же уверен, что историографический раздел должен следовать *после* собственно исторического — после изложения фактов.

Почему? Всё, что пишется о событии — пишется *после* события, за исключением только пророческих книг. Мне кажется, из этого неизбежно следует, что помещать историографический раздел в самое начало исследования по истории — значит нарушать естественную последовательность излагаемых фактов: ставить телегу впереди лошади.

Когда я в советское время работал в школе и вел там исторический кружок, мои ученики, пытаясь освоить монографии, которые я им давал, неизменно «спотыкались» об историографическую главу в начале. Я им советовал читать ее после основного текста или вовсе пропустить. Но сейчас я не стал бы повторять тот свой давний совет, адресуя его школьникам или взрослым читателям. Это был выход, но плохой выход.

Книгу можно читать, конечно, в любом порядке. Но тот, кто пишет текст, предназначенный для сквозного чтения, предполагает, что читатель всё еще помнит сказанное ранее, но еще не знает того, что будет сказано в дальнейшем.

Это правило не соблюдается внутри тома какой-либо энциклопедии: читая одну статью, вовсе не обязательно знать содержание всех предыдущих. Но том энциклопедии и не предназначен для сквозного чтения: он предназначен для наведения справок по предметам, которым посвящены расположенные в алфавитном порядке статьи, снабженные перекрестными ссылками.

Поэтому последовательность размещения структурных частей исследовательского текста по истории имеет важное, принципиальное значение.

Если историографию излагать *после* истории, то можно подробно рассмотреть не только основную канву, но также и *оттенки* толкования историком *деталей* событий. Ведь читатель уже имел возможность прочесть о них, главное помнит, а о подзабытом знает, где прочесть.

Когда же историографию излагают *до* собственно истории, то даже основную канву событий автор вынужден излагать предельно сжато, вставляя в то же изложение еще и рассказ об историке и его исследовательских приемах. Детали же событий в таком тексте почти всегда отсутствуют. Такой «формуляр» историографической справки громоздит одну искусственную сложность на другую, создавая совершенно лишние проблемы как для автора, так и для читателя.

Проиллюстрирую сказанное, рассмотрев две книги, где историографическая часть помещена после исторической, и две книги, где историографическое введение предваряет изложение собственно истории. Авторы, поместившие историографическую часть после исторической, сделали это по собственному разумению, безотносительно к моим соображениям, ныне излагаемым здесь.

Гелиан Михайлович Прохоров (1936–2017) открывает свое исследование «Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы» (Л., 1978) простым, но на самом деле очень искусным представлением читателю предмета книги. В этом представлении он упоминает только одно имя, неизвестное читателю из школьного курса истории, и употребляет только одно не объясненное в школе слово. Как имя, так и слово он тут же объясняет сам: «Повесть о Митяе — небольшой летописный рассказ о том, как Дмитрий Донской пытался поставить во главе русской церкви близкого себе человека (его-то и звали Митяем). Драматические и достаточно авантюрные события Повести происходят во время первого “розмирия” (прекращения мира) Руси с Ордой. Начинаются они до, а кончаются после Куликовской битвы. Героев повествования мы видим в Москве, затем в Константинополе, по пути они встречаются с Мамаем — как раз накануне его похода на Русь. В наше поле зрения попадают греки, итальянцы, татары, турки. Речь идет о международных церковно-политических интригах: о беззакониях, насилии, обмане, подлоге, подкупе. В беспристрастном на первый взгляд летописном повествовании сквозят черты памфлета, ирония, недоговоренность и оппозиционный политический подтекст»³.

Руководствуясь соображениями удобства и здравого смысла, Г. М. Прохоров отказывается от помещения историографии в начало своего текста. Он понимает, что тем самым нарушает академический обычай, и оправдывает это так: «Подробнее об истории текста и о существующих исследованиях Повести я скажу в начале второй части книги, где мы станем рассматривать Повесть как литературное произведение, когда читателю уже будет ясно, о чем, собственно, идет разговор. Здесь замечу только, что все ученые касались истории Митяя и повести о нем лишь мимоходом. Монографического исследования на эту тему до сих пор не было»⁴.

Когда монографий по заявленной теме нет, отказаться от историографического введения, конечно, психологически легче. Бесспорно, что историографический обзор уместен только «когда читателю уже будет ясно, о чем, собственно, идет разговор». Так обстоит дело в данном случае — с «Повестью о Митяе».

Но, простите, а разве бывает иначе? Разве может быть уместен историографический обзор, *если читателю еще не ясно, о чем, собственно, идет речь?*!

То, что Г. М. Прохоров помещает обзор историографии не в самый конец своей книги, а в середину⁵, не должно нас смущать. На с. 124 автор констатирует: «Мы рассмотрели историческую основу Повести о Митяе». Далее как раз и следует историография, которая излагается параллельно истории текста Повести, а за нею следует филологический анализ Повести.

Военный историк Юрий Викторович Кольцов (р. 1962) назвал свою книгу «Петергофский десант. Научно-популярная публикация отчета штаба Краснознаменного Балтийского флота о десанте в Новый Петергоф 5 октября 1941 г.» (СПб.: Гангут, 2010). Основному изложению предпосланы неполные три страницы «От автора», где Ю. В. Кольцов рассказывает, при каких обстоятельствах он занялся изучением деталей этой трагически провалившейся десантной операции. Он сразу же уточняет, что на самом деле десант был не один: советских десантов на побережье Финского залива в районе Стрельны–Петергофа 3–6 октября 1941 г. было пять. О советской историографии Кольцов сначала заявляет только: «Работ, достойно отражавших события недавней войны, были считанные единицы»; военные «в годы “застоя” выпустили немало “трудов” самого примитивного свойства»⁶. Затем на протяжении более 200 страниц Кольцов анализирует сохранившиеся документы и воссоздает ход военных событий октября 1941 г.⁷ Заключительная же глава — «Рождение мифа» — детально прослеживает историю публикаций по Петергофскому десанту начиная с 1945 г. В этот сравнительно краткий историографический очерк Кольцов смог уместить подробный и очень интересный анализ более 20 публикаций⁸. Неудивительно: исходя из того, что факты читателю уже известны, Кольцов со спокойной совестью смог сосредоточить внимание на интерпретациях. В свете установленных и описанных ранее фактов автор прямо и убедительно обвиняет многих писавших об этой операции в небрежности, неточностях и прямых фальсификациях, воздавая должное достойным авторам: Я. Т. Салагину и К. К. Грищинскому.

Переходя теперь к рассмотрению двух книг, в которых историография помещена в начале изложения, я хотел бы со всей возможной убедительностью подчеркнуть: речь идет об исследованиях высочайшего академического уровня, во многом новаторских. Недостатки, о которых я буду говорить, — суть недостатки композиции, но никоим образом не содержания. Однако именно на таком безупречном фоне явственно проступают проблемы, возникшие вследствие приверженности авторов традиционной, но создающей важные неудобства композиции.

Руслан Григорьевич Скрынников (1931–2009) в монографии «Сибирская экспедиция Ермака» (Новосибирск, 1982) пересмотрел традиционную датировку похода Ермака и взятия Кашлыка — столицы хана Кучума, а следовательно, и присоединения Западной Сибири к Московскому государству. Скрынников доказал, что произошло это в 1582, а не в 1581 г., как считалось ранее.

Монография открывается введением, где сказано: «Освоение Сибири сыграло исключительную роль в истории русского народа. Именно поэтому поход Ермака, положивший начало присоединению Сибири к России, является значительным историческим событием»⁹. Сразу после этих слов речь заходит об историографии — и речь о ней и только о ней продолжается уже до конца введения. Первые две историографические справки приведу полностью: «Начало изучению истории Сибири положил в XVII в. замечательный сибирский историк, географ и картограф С. Ремезов. Свою “Историю Сибирскую” он всецело посвятил походу Ермака».

«Автор первого научного труда по русской истории В. Н. Татищев приступил в XVIII в. к составлению “Общего географического описания всея Сибири” и сбору сибирских источников. Его начинания способствовали развитию сибирской историографии на научной основе».

Несколько подробнее далее представлены Г. Ф. Миллер и М. В. Ломоносов. Как полагалось в советское время, когда имя первого русского революционера было окружено почетом, подробно представлены размышления А. Н. Радищева об истории Сибири.

Когда речь заходит о работах и суждениях Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, Р. Г. Скрынников впервые упоминает Строгановых, так как названные историки обсуждали роль Строгановых в присоединении Сибири и немало писали о них. Подробный рассказ о доме солепромышленников Строгановых, их отношениях с московскими властями и о роли Строгановых в организации экспедиции Ермака в книге Скрынникова есть¹⁰, но рассказ этот находится в основной части книги, в историографическом же введении Скрынников сначала кратко представляет Строгановых как «кушцов», а потом замечает, что С. М. Соловьев видел в казаках и прочих тех, кто составлял передовые дружины колонизации, носителей анархических начал, противостоящих обществу и государству. «Совсем иная роль в схеме Соловьева отводится мирным колонизаторам и промышленникам Строгановым»¹¹. И тут возникает вопрос: это Соловьев считал Строгановых «мирными колонизаторами и промышленниками» или же это Скрынников характеризует их так? С одной стороны, «купец» — занятие мирное, с другой — Строгановы служили в опричнине и нанимали на службу казаков с пищалями. Если казаки беспрекословно выполняли волю Строгановых, то сами Строгановы были колонизаторы отнюдь не мирные; если же казаки затевали войны самовольно, то самих Строгановых «мирными колонизаторами» назвать можно, пусть с натяжкой. Можно предположить и то, и другое. Недоразумение, конечно, мелкое, но весьма показательное. Когда изложение начинается с историографии, то история оказывается в положении «падчерицы»: она представлена лишь на самом элементарном уровне, предельно кратко и вследствие этого неясно.

Характер сведений о походе Ермака таков, что одни и те же тексты могут рассматриваться и как историографические памятники, и как источники.

Семен Ульянович Ремезов (1642 — после 1721), столь коротко упомянутый в историографическом введении, намного более подробно представлен в разделе об источниках¹². Р. Г. Скрынников подвергает его «Историю Сибирскую» пристальному текстологическому анализу и выделяет в этом памятнике «слои», по степени достоверности значительно различающиеся. Ремезовские датировки он отвергает как полностью недостоверные, описания же шертования хантских племен и камланий шаманов считает весьма правдоподобными. Когда Р. Г. Скрынников размышляет о возможном происхождении текстов так называемого Кунгурского летописца, включенных Ремезовым в свой труд, он упоминает «известие о том, что ермаковы казаки на пути к Уральским горам по ошибке свернули с Чусовой на Сылву и зазимовали там в районе будущего Кунгура. На Сылве располагалось “ермаково городище” и старинная часовня, основание которой местные жители связывали с походом Ермака»¹³. Но верифицированное описание маршрута людей Ермака будет дано в книге Скрынникова далее¹⁴, пока же читатель остается в недоумении, стоит ли доверять приведенной версии, или же это не более чем легенда.

Одним словом, если читать книгу Р. Г. Скрынникова не подряд, а отыскивать в ее тексте, по мере возникновения недоумений, разъяснение каждого из таковых, то вопросов без ответов, может быть, и не останется вовсе. Но, как известно, *vita brevis*. Если бы историография располагалась не в начальной, а в заключительной части текста монографии Р. Г. Скрынникова, ориентироваться в этом тексте можно было бы значительно легче и быстрее.

Алексей Иванович Алексеев (р. 1966) издал свою докторскую диссертацию о стригольниках и жидовствующих в виде объемистой монографии. Поскольку между стригольниками и жидовствующими очень мало общего, две части книги фактически представляют собой две монографии, посвященные, соответственно, стригольникам и жидовствующим, — первая несколько меньше второй. Каждую из частей открывает обширный историографический обзор¹⁵. Только познакомившись с разнообразными мнениями подчас неожиданных людей — например, современного православного публициста Льва Регельсона¹⁶, итальянского слависта Рикардо Пиккио, болгарского академика Димитра Ангелова¹⁷ — о стригольниках и жидовствующих, читатель может наконец обратиться к источникам сведений об этих двух движениях¹⁸, а потом прочесть и сами исследовательские тексты Алексеева, посвященные им¹⁹.

А. И. Алексеев явно хочет предоставить своим читателям возможность получить как можно больше достоверной историографической информации. В «стригольнической» части его работы есть раздел «Феномен стригольничества в исторических штудиях российских протестантов», где он приводит обширные цитаты из таких современных нам авторов, как баптисты М. С. Каретникова, С. Н. Савинский, В. А. Бачинин (последний впоследствии стал реформатом). Впрочем, мотивация именно цитирования, а не составления кратких резюме высказываний баптистских авторов может быть и иной: баптисты

нередко выражаются так, что смысл их речей уловить трудно, и часто бывает, что этот смысл живописно нелеп, поэтому их проще цитировать, чем пересказывать. К тому же только так и можно избежать обвинений в искажении их мыслей. Но и академические исследователи — российские и зарубежные — представлены на страницах книги Алексева большими цитатами, прекрасно проясняющими позиции их авторов. В этом отношении его книга обладает отрядным сходством с трудом И. Е. Андропова.

Историографический обзор по жидовствующим А. И. Алексеев завершает разделом «Современная историческая публицистика», где фигурируют главным образом те же авторы, но оценки А. И. Алексева заметно жестче. Он возмущенно цитирует брошюру В. А. Бачинина и И. Ю. Никитина «Истоки конфликта между византизмом и евангелизмом» (СПб., 2003), где на с. 58 сказано следующее: «Новгородско-московское учение являлось теологически более ранней формой того раннего евангелизма, который на Руси впервые обозначился в движении стригольников».

А. И. Алексеев отвечает на это: «Неизвестно, на каком основании авторы именуют ересь евангелизмом, поскольку ни в одном источнике о евангелизме еретиков ничего не говорится, зато во всех имеющихся документах им вменялось в вину именно ветхозаветничество. Желая усматривать в еретиках предтеч протестантизма, авторы абсолютно голословно, но категорично заявляют [на с. 71 упомянутой книги]: “Богословская позиция «жидовствующих» не может быть отнесена к иудаизму, и сами они в своей вероисповедальной позиции пребывали целиком в пределах христианской догматики”»²⁰.

Если это можно назвать спором, то по существу этого спора А. И. Алексеев глубоко прав. Но в каком положении оказывается его читатель?! Ведь А. И. Алексеев пичкает его цитатами из баптистки М. С. Каретниковой, иерусалимского профессора Ш. Эттингера²¹, воинствующего атеиста советских времен Н. М. Никольского²² задолго до того, как ему — читателю — будет дана возможность самому познакомиться с историческими источниками и с авторским исследованием о содержании ереси жидовствующих. Читатель вынужден или изучать материал книги не в том порядке, в каком он напечатан, или верить А. И. Алексееву на слово, что жидовствующие были никакие не евангелисты. Но даже веря ему на слово, читателю трудно разделить его праведный гнев на баптистов. Ведь чтобы искренне возмущаться искажением истины (о жидовствующих), надо эту истину знать. Композиция же книги такова, что читателю узнать это еще только предстоит...

Принятая ныне практика — помещать историографию в начало исторического исследования — ориентирована, мне кажется, не на обыкновенного здравомыслящего читателя, которому интересны события или герои, названные в заголовке работы. Она ориентирована скорее на чиновника, который обязан оценить уровень подготовки автора. Такому чиновнику, действительно, нужно прежде всего знать, что по обозначенной теме уже было сделано до этого автора, и, следовательно, какие еще не решенные проблемы этот автор призван решить.

Правда, если такой чиновник не предпримет самостоятельных разысканий по теме и историографии диссертации, он будет в своих суждениях сильно зависеть от той подборки материала, которая лежит в основе диссертации. А ведь подборка может оказаться и крайне тенденциозной...

Предполагаю, впрочем, что с разницей двух описанных практик коррелирует гораздо более важная, принципиальная разница: между *рациональным подходом* и *рационалистическим схематизмом* в исторической науке.

Рациональный подход к изучению истории построен на том трезвом и скромном предположении, что в сложнейшем переплетении любых исторических событий многое непонятно и всегда останется непонятым или недопонятым, но *кое-что* понять и зафиксировать как несомненное всё же можно. О причинах российской революции 1917 г. будут спорить еще долго. Но тот факт, что VI съезд РСДРП(б) состоялся в Петрограде 26 июля – 3 августа 1917 г. по старому стилю, или 8–16 августа по новому, едва ли будет когда-либо подвергнут пересмотру. Специфика исторического знания состоит в том, что обычно историк даже в пределах одного текста приводит сведения *очень разной степени достоверности*: от несомненных единичных фактов до эмпирических обобщений, от бесхитростных задокументированных свидетельств до исследовательских умозрительных предположений, которые подлежат дальнейшей проверке в процессе работы с историческими документами. Однако процесс исследования события в случае успеха приводит к тому, что объем достоверной информации постепенно увеличивается. Рациональный подход благоприятен для науки, является нормой для нее.

Рационалистический схематизм состоит в убеждении, будто «идеологически подкованный» или же вооруженный «единственно верным учением» историк способен понять в историческом процессе *всё*. Или, в более мягком варианте, так: всё важное ясно; а что не ясно, то «не имеет существенного значения». Моему поколению еще памятен марксистско-ленинский схематизм: всемирная история состоит будто бы исключительно из истории «общественно-экономических формаций»; суть истории каждой из них состоит в классовой борьбе, когда против господствующего реакционного класса борется класс угнетенный, но передовой; а переход от более «отсталой» формации к более «передовой» рассматривается как революция, заслуживающая приоритетного внимания. Те оценки, что давали историческим событиям классики марксизма-ленинизма, за редчайшими исключениями в советское время рассматривались как окончательные и не подлежащие пересмотру, так что задача историка виделась только в том, чтобы представить дополнительные, в идеале — документальные доказательства истинности и глубины этих непревзойденных оценок. Но, разумеется, это не единственный вариант рационалистического схематизма. Можно ведь видеть в истории и фатальное движение к торжеству либеральных начал, после которого двигаться человечеству некуда и незачем, а потому истории настает конец, по Ф. Фукуяме. Или даже торжество ценностей феминистских...

Историк — приверженец рационалистической схемы — марксистской или иной — не испытывает никаких неудобств от того, что историографию изучаемого вопроса следует излагать до фактической стороны дела. Ведь для него в истории всё, в сущности, ясно, просто и уже описано Анри де Сен-Симоном, Карлом Марксом или Фрэнсисом Фукуямой. Повторять это понимание истории незачем: адепты соответствующей школы знают его по ранее опубликованным сочинениям. Достаточно отметить только отклонения от такого стандартного понимания, которые пока еще встречаются у отдельных отсталых авторов. Такая историография много места не займет.

Если же историк — приверженец рационального подхода, но противник заранее заготовленных схем, он неизбежно будет тяготиться требованием изложить историографию вопроса сразу, до фактов. Ведь для него изучение истории — как поэзия для Маяковского: «езда в неизвестное». В процессе нового исследования ему может открыться какая-то новая, ранее ни ему, ни другим историкам не известная повторяемость фактов. Высказывать своим предшественникам реприманды за то, что они эту новую закономерность не увидели и не поняли, — т. е. за то, что предшественники не проделали его работу, а занимались своей, — ему нисколько не хочется. Скорее ему хочется поблагодарить предшественников за то, что они все-таки сделали, пусть это сегодня и выглядит несовершенным. Но это ему проще всего сделать после того, как произошедшее событие — например, первое объединение Германии — будет описано с использованием всех доступных на данный момент документальных свидетельств о нем. Ведь именно в этой связи уместнее всего вспомнить тех участников события, которые составили первые осмысленные документальные свидетельства о нем и тем самым положили начало историографии. Последующие достижения и, если они были, провалы также удобнее всего описывать в хронологическом порядке, прослеживая, как эхо события 1871 г. продолжало звучать в Германии и соседних странах в годы Первой мировой войны, Веймарской республики, нацистской диктатуры, ГДР и ФРГ.

Напоследок выскажу еще два соображения. Историк у свойственно думать о прошлом. Но иногда следует подумать и о будущем — о будущем исторической науки. Есть такие события и сюжеты всемирной истории — например, Великая Французская революция или Гражданская война в США 1861–1865 гг., — по которым уже сейчас существует историография совершенно необозримая по объему. В будущем она станет еще больше. Так вот: если и в дальнейшем надо будет начинать всякое историческое исследование с историографического обзора, то до рассказа о самих событиях дело может просто не дойти... Но изучать-то историю надо! Очевидно поэтому, что отказ от обыкновения «начинать с историографии» в перспективе так или иначе неизбежен по всё более широкому кругу тем. И пора уже побеспокоиться о том, чтобы неизбежный отказ этот не обернулся утратой историографического анализа как такового. Помещенный же после рассказа о самих событиях, такой анализ будет мно-

го компактнее, понятнее и интереснее. Опуская посредственные работы, историографический обзор будет охватывать прежде всего работы, не утратившие значимости и спустя десятилетия. И, конечно, их перечень будет подвергаться медленному, но неизбежному обновлению.

Очень может быть, что ныне существующая практика уместна и в перспективе останется уместной для квалификационных работ, которые действительно специально предназначены для того, чтобы аттестационный орган — ВАК — мог оценить квалификацию их авторов. В таком случае произойдет осознанное и даже формализованное размежевание двух разных жанров исследовательского текста по истории: одно дело — аттестационная работа, иное дело — исследование, предназначенное для читающей и заинтересованной публики. Впрочем, и в наше время защищенные диссертации публикуются не в том виде, в каком они поступают в ВАК, а лишь после того, как авторы перерабатывают их в монографии. «Историю для чиновника» необходимо переделать в «историю для читателя», это очевидно для всех. Следует применить этот «императив» и к историографии.

¹ *Андронов И. Е.* *Nostrī Saeculī Novatores: межконфессиональная полемика в западноевропейской церковной историографии XVI в.* М.—СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 6.

² В 1920 г. А. Матвез сделал доклад, который так и назывался: «Почему мы — робеспьеристы».

³ *Прохоров Г. М.* *Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы.* Л.: Наука, 1978. С. 3.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 125–136 (всего в книге 240 с.)

⁶ *Кольцов Ю. В.* *Петергофский десант. Научно-популярная публикация отчета штаба Краснознаменного Балтийского флота о десанте в Новый Петергоф 5 октября 1941 г.* СПб., 2010. С. 5.

⁷ Там же. С. 8–220.

⁸ Там же. С. 221–256.

⁹ *Скрытников Р. Г.* *Сибирская экспедиция Ермака.* Новосибирск, 1982. С. 3.

¹⁰ Там же. С. 113–120, 126–141.

¹¹ Там же. С. 6.

¹² Там же. С. 45–60.

¹³ Там же. С. 49.

¹⁴ Там же. С. 142–145.

¹⁵ *Алексеев А. И.* *Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в.: стригольники и жидовствующие.* М.: Индрик, 2012. С. 21–52, 215–250.

¹⁶ Там же. С. 37.

¹⁷ Там же. С. 42–43.

¹⁸ Там же. С. 53–96, 251–384.

¹⁹ Там же. С. 97–207, 385–496.

²⁰ Там же. С. 249.

²¹ Там же. С. 236.

²² Там же. С. 228.

References

ALEKSEYEV A. I. *Religioznye dvizheniya na Rusi posledney treti XIV — nachala XVI v.: strigolniki i zhidoovstvoyushchiye*. [The Religious Movements in Moscow Principality, Last Third Part of the 14th — the Beginning of the 16th Century: Strigolnikies and Judaizers]. Moscow: Indrik, 2012.

ANDRONOV I. E. *Nostri Saeculi Novatores: mezhkфессиональная polemika v zapadnoyeuropeyskoy tserkovnoy istoriografii XVI v.* [Nostris Saeculi Novatores: the Strife Between Confessions in the Church Historiography, Western Europe of the 16th Century. In Russ.]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019.

KOLTISOV YU. V. *Petergofskiy desant. Nauchno-populyarnaya publikatsiya otcheta shtaba Krasnoznamennogo Baltiyskogo flota o desante v Novyy Peterhof 5 oktyabrya 1941 g.* [The Descent to Peterhof. The Report on the Descent to Novy Peterhof, Oct. 5, 1941, by the Staff of the Krasnoznamenny Baltic Fleet. The Publication. In Russ.]. St. Petersburg, 2010.

PROKHOROV G. M. *Povest o Mityaye. Rus i Vizantiya v epokhu Kulikovskoy bitvy*. [The Tale on Mityai. The Moscow Principality and the Byzantine Empire in the Era of the Battle on Kulikovo Field. In Russ.]. Leningrad: Nauka, 1978.

SKRYNNIKOV R. G. *Sibirskaya ekspeditsiya Ermaka*. [Yermak's Expedition Conquering Syberia. In Russ.]. Novosibirsk, 1982.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

С. А. Исаев. Как сделать исследования по историографии интересными? // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 242–257

Аннотация: Автор рассматривает текущие проблемы изучения историографии в российской исторической науке. Он считает необходимым, чтобы анализ работ историков прошлого сопровождался обширными, тщательно подобранными цитатами, которые наглядно демонстрировали бы особенности стиля и исследовательского метода каждого историка. Автор предлагает различать историографию I (или историографию темы) и историографию II (или историографию школы). Первая анализирует процесс изучения определенной темы в исторической науке одной или нескольких стран, вторая — мировоззренческие и методологические особенности историографических школ, которые проявляются в изучении самых разных тем. Историографические разделы, помещаемые в текст статей и монографий по истории, в современной России принято располагать до изложения исторических фактов. Автор предлагает помещать их после изложения фактической стороны.

Ключевые слова: время в истории, историография, историография темы, историография школы, историческая ситуация, исторические концепции, мировоззрение, рационализм и рациональность в исторической науке.

FOR CITATION

S. A. Isaev. How Historiographical Studies Can Be Made Interesting? // Petersburg historical journal, no. 1, 2020, pp. 242–257

Abstract: The article deals with current problems of historiographical studies in Russia. The author supports the new tendency to supply the analysis of the old works in history with long, carefully selected quotations from them, in order the peculiarity of style and specific methods of every old author could be presented. The author proposes to distinguish between historiography I, or the historiography of theme, and historiography II, or the historiography of school. The former traces the process of studies of peculiar theme by historians of one or several countries; the latter describes the world view and methodical peculiarities of schools in historiography, as they be applied to various themes. In Russia the part of historical article or book devoted to historiography is usually located in the very beginning of the study. The author proposes to locate it just after the basic historical exposition.

Key words: concepts in history, historical situation, historiography, historiography of school, historiography of theme, rationalism and rationality in historical studies, time in history, world view.

Автор: **Исаев, Сергей Александрович** – к. и. н., старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Author: **Isaev, Sergey Alexandrovich** – PhD., senior researcher of the St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: isayevsviir@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9491-3510>